

В Афинах учатся, в Салониках молятся

ИНТЕРВЬЮ СО СТУДЕНТОМ ФЕССАЛОНИКИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ВЛАДИМИРОМ ТЕЛИЖЕНКО

—Володя, ты окончил Московскую Духовную Семинарию в 1999 году. Чем ты занимался после этого? Как сложилась твоя жизнь?

—Еще в четвертом классе Семинарии я познакомился с отцом Иларионом (Алфеевым). В то время о нем много говорили в студенческой среде в связи с его книгой по Догматическому богословию и докладом о проблемах и задачах духовного образования, прочитанном им на конференции в Сербии. В те годы мой близкий друг Сергей Говорун учился в Афинах, и он мне несколько раз говорил, что было бы очень хорошо поехать и мне учиться в Грецию. Я высказал такое желание отцу Илариону. Когда я закончил Семинарию, то вопрос о возможности моей поездки за рубеж был официально поднят ОБЦС перед Греческой Церковью. Насколько я помню, греческая сторона была готова принять троих студентов. Но, к сожалению, после смерти Блаженнейшего митрополита Серафима ситуация изменилась, и Элладская Церковь смогла принять только одного из трех кандидатов. Среди нас был один священник, и, естественно, ему было отдано предпочтение. Сейчас он учится в Афинах. Я же уехал к себе на Родину, на Украину, и там поступил в Киевскую Духовную Академию. После этого я несколько раз звонил в ОБЦС, однако там мне сказали, что вопрос о поездке в Грецию уже не мог быть решен в тот год. Но вскоре я узнал, что митрополит Фессалоникийский Пантелеимон изъявил желание принять студентов из России. Воспользовавшись этой возможностью, я уехал на учебу в Салоники.

—Ты являешься стипендиатом Греческой Церкви?

—Нет. Я стипендиат Министерства иностранных дел Греции.

—У тебя не было выбора между Салониками и чем-то другим?

—Я хотел ехать именно в Грецию. В этом на меня повлиял все тот же Сергей Говорун. А Салоники или Афины — это тогда не имело для меня особого значения. Я лишь потом понял, что Салоники более удачное для меня место.

—Существуют ли какие-то специфические черты богословского факультета в Салониках, отличающие его от богословского факультета в Афинах?

—Я боюсь задеть кого бы то ни было из преподавателей этих университетов. Все они очень известные богословы и почтенные люди, но отношения между Афинами и Салониками до некоторой степени напоминают отношения между Питерской и Московской Духовными Академиями. Я помню известную поговорку: «В Питере учатся, а в Москве молятся». Что-то подобное можно услышать и в Греции. Афинский университет считается более свободомыслящим, либеральным, в то время как в Салониках упор делается на святоотеческую традицию. Это, конечно, штамп, но нет дыма без огня. И в какой-то степени это соответствует действительности. Салоники ближе к Афону, и это имеет большое значение для университета. И студенты, и преподаватели довольно часто бывают на Святой Горе. Многие из них там духовно окормляются. Это во-первых. А во-вторых, Салоники — это не столичный город. Здесь меньше людей, чем в Афинах. И психология города тоже накладывает свой отпечаток на университет.

— Существует ли взаимное общение между Афинами и Салониками?

— Общение, конечно же, существует. Университеты дополняют друг друга. Например, совсем недавно в нашем университете читал курс лекций преподаватель Афинского университета отец Георгий Металинос. Он не со всем согласен в своих богословских концепциях и взглядах с нашим преподавателем по кафедре Догматического богословия господином Николаем Мацукасом, но, несмотря на это, студенты с охотой посещали его лекции.

— Тот образ церковности, который сложился у тебя здесь, в Русской Церкви, насколько он претерпел изменения, когда ты попал в Грецию?

— Это одновременно и сложный, и простой вопрос. Скажем, человек, который вырос на приходе, воспринимает Православие сквозь призму приходских представлений. Тот же, кто иподиаконствовал у архиерея, воспринимает все совсем по-другому. Человеку свойственно мерить мир теми мерками, которые навязаны ему обстановкой. И получается, что человек, который не имел возможности соприкоснуться с духовной традицией других Православных Церквей, воспринимает Православие в соответствии с теми критериями, которые существуют в его родной Церкви. И это нормально. В моем случае, я думаю, все было именно так. Я воспринимал мир, условно говоря, по-русски, в соответствии с русским Православием. Когда же я оказался за границей и начал посещать храмы Элладской Православной Церкви, соприкоснулся с греческим Православием, я совсем по-другому стал относиться ко многим вещам. Это как с языком. Ты пытаешься перевести на родной язык какую-то интересную мысль и понимаешь, что если бы эта мысль встретилась тебе в книге на родном языке, то ты на нее и внимания бы не обратил. Что-то подобное произошло и со мной. Я по-новому взглянул на те вещи, о которых раньше и не задумывался.

— Какие были самые яркие впечатления от Элладской Церкви?

— Самое яркое впечатление — это люди. Я мало обращал внимания на какие-то различия в богослужении, обрядовой стороне и более внимательно всматривался в людей. Меня интересовало, как Православие живет среди греков? Я видел, как наша вера живет среди русских, и мне стало интересно, как греки переживают ее. Я думаю, что именно это в первую очередь ценно, а обрядовая сторона есть только выражение того, как они переживают Православие. Я встретил там святых людей. Я не хочу сказать, что я не встречал их в России, просто там я получил огромное впечатление от общения с такими людьми. Я думаю, что это то ценное, что мы, как студенты Русской Православной Церкви, получающие образование в Греции, должны оттуда вынести. Ведь сие и есть ни больше ни меньше, как опыт прикосновения к вселенскости Православия.

— За время учебы в Греции ты успел обзавестись семьей. Интересно, насколько трудна жизнь студенческой семьи в Греции?

— Может, это не так сложно, как у нас, но, все же, и не легко. И я опять хочу сказать, что если бы не помощь людей, не помощь православных греков, мне было бы очень тяжело. Эти люди буквально вырастили мою семью, утвердили ее. Может быть, благодаря им и была создана наша семья.

— Супруга, если не секрет, чем занимается?

— До недавнего времени она обучалась в школе новогреческого языка, а сейчас уже является студенткой первого курса богословского факультета. Она поступила на отделение пастырской социологии. И еще она управляет хором в храме преподобного Серафима Саровского, который создан специально для выходцев из русскоязычных стран, оказавшихся в Греции. Богослужение там совершается на славянском языке. Настоятель храма — грек, выросший в Сухуми и хорошо говорящий по-русски.

— Поддерживает ли Церковь вашу семью? Выделяют ли вам какие-нибудь пособия?

— Мы не получаем ничего, кроме обычной стипендии. Нам этого вполне достаточно. Правда, в этом году в университете обещали выплачивать пособие студентам, у которых есть дети.

— Какие отрасли богословской науки привлекли твое внимание в Греции?

— Меня интересуют в первую очередь святоотеческое богословие и литургика. Греция предоставляет благодатную почву для изучения этих дисциплин, благодаря языку и исследованиям, которые проводились уже греческими учеными. К тому же в Салониках есть прекрасные специалисты в этих областях, способные пробудить живой интерес в студентах.

— Какие планы на будущее?

— Сейчас я должен закончить университет и получить базовое высшее образование, чтобы потом заниматься в аспирантуре. Я бы хотел уже сейчас начать писать работу. Предварительная ее тема ограничивается учением святых отцов о браке. Это мое желание на ближайшее время.

— Значит, ты пока не планируешь возвращаться домой?

— Я бы хотел закончить аспирантуру.

— А вообще, домой тянет?

— Домой, конечно, тянет. Правда, я уж и не знаю, что считать домом. Сейчас, волею судеб, Россия, Украина, Беларусь — это разные государства, но все они для меня остались родными. На Украине я родился и вырос, в России учился, в Белоруссии живут мои друзья. Для меня там, где Русская Православная Церковь — там мой дом.

*Интервью подготовил
Владимир Бурга, 2 курс МДА*